

ДВИЖУЩИЙСЯ МИР

Идти по пустыне — все равно что идти по нескончаемому пляжу.

Красный песок осыпается у меня под ногами, набивается в ботинки, заставляет спотыкаться на каждом шагу. Проходит четверть часа — и я полностью лишаюсь сил. Мышцы лодыжек горят огнем, нетяжелый рюкзак превратился в неподъемную гирию. Но хуже всего полное отсутствие ориентиров: одни дюны, насколько хватает взгляда. Взбираться на них утомительно, спускаться и того хуже. Кваггам хоть бы что, их копыта шире лошадиных и позволяют не проваливаться в песок. Догроны тоже шагают без усталости, не испытывая никаких затруднений.

Я выдохлась и уже боюсь отстать. Как ни стараюсь, расстояние между крупом замыкающего животного и мной неуклонно увеличивается. Моя участь заботит, кажется, одного Маргуля. Он то и дело оглядывается,

проверяет, не потерялась ли я. После двух часов пути он пропускает караван вперед и дожидается меня. Вижу, он смущенно подыскивает слова.

— Не надо было так делать, — тихо выдавливает он.

Для меня такое облегчение, что он наконец со мной заговорил, что я готова повиснуть у него на шее, вот только не допрыгну.

— К чему было выпускать животных? — продолжает догрон. — В этом нет смысла.

Я пожимаю плечами, глядя на протоптанную выючными животными недолговечную колею в песке.

— Это было нужно мне самой. По крайней мере, теперь они на свободе. У меня тепло на сердце от этой мысли.

— Если бы... — бормочет Маргуль. — Что ты сочинишь? Их сожрали хищники. Ни один зверь из твоего мира не выживет в Красной пустыне. Здесь полно опасных существ. Они гораздо злее и стремительнее кошки и собаки.

— Вроде тебя?

— Самые опасные — мисукжук, песчаные черви. Они выслеживают добычу по дрожи от ее шагов. Есть еще пусинуилак, пустынные кошки размером с рысь. А змей здесь столько, что ты и вообразить не можешь. Или взять ящериц, плотоядные растения...

— Хотя бы птица выжила.

Он с сожалением качает головой.

— В небе тоже голодные хищники. Они сразу ее порвали.

— А черепаха? Я бросила ее в воду канала.

— Черепахи не подвержены колдовству. Возможно, она еще жива.

— Надеюсь.

Воцаряется почти осязаемая тишина. Маргуль дает мне кожаный бурдюк и показывает жестом: пей! Делая жадные глотки, я представляю себе песчаных червей. Мне видятся клубки красных дождевых червей со змеиными зубами. Ну и что страшного?

— Маргуль?

— Что?

— Эти песчаные черви действительно такие опасные?

— Ага.

— Откуда ты знаешь, что они на нас не нападут?

— Мисукжук не вылезает при свете дня. Они ждут, пока опустится ночь.

Возвращаю ему бурдюк, догрон тоже долго пьет, потом вешает бурдюк себе на пояс. Я впервые увидела, как он что-то глотает. Мне вдруг приходит в голову, что я ничего про него не знаю. Я убеждаю себя, что мы друзья, а на самом деле мы совершенно чужие. Поэтому, наверное, у меня вдруг появляется потребность оправдаться.

— Знаешь, я просто взяла и выпустила их. За секунду до этого я ничего такого не собиралась делать. Это был инстинктивный поступок. Не хочу, чтобы ты думал, будто я нарочно обманула вашу с братом бдительность.

— Ты собиралась сбежать, — упрекает меня Маргуль.

— Было дело. Но опять-таки это был не план, а порыв.

— Если бы Сафр тебя не поймал, ты бы убежала в пустыню. Все равно бы ничего не вышло, Эликс тебя вернул бы.

— Как?

— При помощи бивара. Он произносит особое словечко, и ошейник причиняет острую боль. Чтобы она ослабела, приходится подойти ближе к Хозяину.

Я трогаю свой ошейник, представляя себе, как рисковала. Выходит, эта штукавина очень опасна. Теперь понятно, почему Эликс не запер меня в клетку, как зверя. Это лишнее, достаточно невидимой цепи, на которую я посажена.

— Что будет теперь?

— Хозяин хочет отдать тебя Сосане. Животные были предназначены для него. Ты их заменишь.

Несмотря на зной, меня охватывает леденящий ужас. Тот самый Сосана, которого Сафр и Маргуль боятся сильнее, чем Эликса!

— Другого выхода нет? — лепечу я.

— Выход был раньше: оставить животных в клетках.

Осознание собственной глупости хлещет меня сильнее кнута. Я так гордилась собой, своим бунтом. Хороша освободительница животных! На самом деле я добила одного: вырыла себе могилу.

— Понимаю. — Я трогаю руку догрона. — Мне очень стыдно, Маргуль.

— Ты вся дрожишь, — говорит мне друг.

— Знаешь, мне совсем туда не хочется. Этот Сосана и вправду страшилище?

Маргуль не отрывает взгляд от дюн. Ответа от него не дождешься. Лучше он промолчит, чем соврет, чтобы меня успокоить.

— Воспользуйся этим походом, — говорит он после долгого молчания. — Пустыня — чудесное место.

Я удивленно озираюсь. Вокруг нет ничего, кроме песка и неведомых гор на горизонте.

— Чудесное? Километры пустоты! Мертвая сушь!

Маргуль протягивает руку, привлекая мое внимание к непонятной неподвижной тени слева. Там, на склоне дюны, криво стоит низенькое синеватое растение, похожее на морского ежа.

— Это мазакуита. Она цветет раз в год, в сезон дождей. Ее цветы пахнут так сильно, что бабочки летят на этот запах с другого конца пустыни. Если у тебя кончилась вода, можно откопать ее корень. Он полон красного и густого, как кровь, сока, отлично утоляющего жажду. Только нужна осторожность: в тени мазакуиты часто сидят в засаде скорпионы — здоровенные, с мой палец, желтые, с зеленым хвостом; их уколы не смертельны, но очень болезненны. Если разбираешься в пустыне, то знаешь, что ее никак нельзя назвать мертвой. Здесь кипит жизнь.

— А там что? — интересуюсь я, указывая на скалы справа.

— Это место, куда мы идем. Зубы бога-дракона.

Я внимательно на него смотрю. Мы знакомы уже достаточно, так что он понимает, без объяснений я не отстану. И Маргуль меня не разочаровывает: рассказывает о жившем в далеком прошлом, еще до появления людей, боге-драконе. Правда, тут же признается, что эту историю придумали они с Сафром, когда бродили по лабиринту Сосаны. Отжив свой срок, бог-дракон издох посреди цветущего луга. Его разлагающаяся туша погубила всю жизнь вокруг и за несколько лет превратила местность в пустыню цвета охры. Уцелел лишь череп, еще несколько столетий сопротивлявшийся

ветрам и песку. Нынче сохранилась только нижняя челюсть, дающая представление о колоссальных размерах бога-дракона.

— Ух ты! — восклицаю я, когда Маргуль смолкает. — Великолепная история!

Теперь, глядя на горизонт, я различаю в горном рельефе дугу драконьей челюсти. Выдержавшие испытание временем багровые зубы испещрены оранжевыми трещинами.

— Теперь я тоже вижу, Маргуль.

— Вот и ты поняла, что пустыня может быть красивой.

— Сколько времени ты провел в лабиринте?

Маргуль неопределенно машет рукой: мол, откуда ему знать? У него не было возможности считать дни. Однообразие нарушали разве что начало и конец сезона дождей.

— Вы с братом были стражниками?

Маргуль кивает.

— Кто вас сменил?

Догрон вздыхает, обдавая себя дымом.

— В последний раз в караул заступил безмозглый человек-кабан. Но с тех пор многое могло измениться.

Как ни странно, я не испытываю страха. Пока рядом Маргуль, мне ничего не грозит, я не боюсь никакого человека-кабана.

Теперь меня интересует длительность нашего пути.

— Вход в лабиринт — в двух днях пути. И еще день, чтобы добраться до логова самого Сосаны.

— Далеко...

— Когда ты больше не сможешь идти, я тебя понесу.

Я кошусь на Маргуля: он что, шутит? В его ответном взгляде сквозит нежность.

— Ты мне очень нравишься, — бормочет он. — Сердце ноет при мысли, что ты нас покинешь.

— Не бойся, юный догрон, — паясничаю я, изображая старческий голос. Сама не знаю, что на меня нашло. — Страх — это падение в бездну, страх рождает злобу, злоба — ненависть, а ненависть... ведет к страданию.

Догрон реагирует неожиданным образом. Он удивленно расширяет глаза, его колотят судороги, он издает странные звуки. Проходит несколько секунд, прежде чем до меня доходит, что гигант просто хохочет. Его смех так заразителен, что и я начинаю смеяться. Нам приходится остановиться: либо брести, либо хотать. Это чудесно, тем более так неожиданно.

Увы, Эликс призывает нас к порядку, заставляя умолкнуть и постараться нагнать караван. Мы с Маргулем еще долго обмениваемся заговорщическими взглядами и прыскаем.

Идем безостановочно до заката. На ночь мы укрываемся среди развалин — похоже, раньше это был храм. Окон давно не осталось, выстояли только несколько колонн и одна стена, под которой вырос целый песчаный холм. Кроме того, каким-то чудом сохранился пол — великолепная синяя мозаика. Невозможно поверить, что в самом сердце пустыни остался незаметанным настолько четкий след былого человеческого присутствия.

Мы устраиваемся на полу в центре убежища, как можно дальше от песка и от всех опасностей ночи. Квагги, привязанные к колонне, жмутся друг к дружке.

Огонь не разводим, потому что не из чего. Честно говоря, я предпочла бы скоротать ночь у костра, отпугивающего чудовищ.

Кто знает, что за существа бродят и ползают поблизости?

После изнурительного перехода у меня сводит живот. С огромным наслаждением я вгрызлась бы сейчас в сочный арбуз, выдула бы залпом пару стаканов колы со льдом.

Но приходится мириться с неприглядной реальностью.

Я жду. Моя участь — довольствоваться остатками трапезы Эликса. Минуты тянутся нескончаемо, я наблюдаю, как хозяин утоляет аппетит паштетом, мясли, сухарями.

Видя, что ни Сафр, ни его брат ничего не едят, я спрашиваю их, в чем причина. Так быстрее пролетит время и беседа заглушит довольное чавканье Эликса. Маргуль объясняет, что догронам достаточно охотиться раз в две недели. Им, в отличие от людей, не требуется ежедневное питание.

Эликсу явно доставляет удовольствие морить меня голодом. Я понимаю это по безжалостным взглядам, которые он на меня то и дело бросает. Когда, наконец, он, отдуваясь, отползает от скудных обедов — ему грех жаловаться на аппетит, я набрасываюсь на них, забыв всякое достоинство. Подчищаю все до последней крошки, не брезгую даже упавшими и вывалянными в песке кусочками паштета. Тарелки и те вылизываю — так опустилась.

Эликс не сводит с меня глаз. Зрелище моего унижительного насыщения доставляет ему нескрываемое удовольствие.

Меня душит ненависть, аж в глазах темно. Величайшим счастьем было бы запульнуть тарелкой прямо в его физиономию!

Я стараюсь совладать с собой, представляя эту сцену: летящий фарфор, удар в висок, обморок, закатившиеся глаза, алая кровь на белой посуде...

Мне так понравился этот ролик, что я прокручиваю его в голове снова и снова, а сама тем временем чищу тарелку песочком.

Потом подхожу к Маргулю. Он сидит на поваленной колонне и смотрит в темноту.

— Тебе бы поспать, — советует он шепотом, так тихо, что мне приходится угадывать смысл. — Завтра долгий переход.

Я так устала, что готова растянуться на прохладной плитке, но не хочу отходить от единственного друга. Сафр поставил для Эликса палатку, в ней матрас и все положенные Хозяину удобства, в моем же распоряжении только рюкзак и спальный мешок.

— Лучше я побуду с тобой. Ты не против?

— Нет. Я жду пробуждения мисукжук. Садись.

Я тоже устраиваюсь на поваленной колонне, опершись спиной о догрона. Он молчит, не напряжен, дышит глубоко и мирно. Я кладу руку ему на локоть, прижимаюсь головой к его плечу. Маргуль не возражает.

— Веснушка, — произносит он ни с того ни с сего.

— Что?

— Веснушка, — внятно повторяет догрон. — Хочешь, это будет твое имя? В столовой есть толстая книга, нам с Сафром можно ее читать. Называется Словарь.

Там тысячи слов на вашем языке. Так мы с братом подобрали себе имена: читали Словарь и нашли. Я листал его позавчера. Думаю, тебе подходит имя Веснушка.

— Почему?

— Этим словом называют пятнышки на щеках.

— Как у меня?

Маргуль кивает. Я немного смущена. Он трудился, подыскивая мне имя, а мне оно, видите ли, не по вкусу. Я пытаюсь подсластить пилюлю.

— Очень симпатично, благодарю. Разве что сложновато...

— Это верно, — соглашается Маргуль. — Не волнуйся, это просто предложение. Поищем еще, если хочешь, когда вернемся и... — Он не договаривает, потому что вспоминает, что я с ними не вернусь. — Я подумаю о другом имени, возможно, на своем языке.

Пока я мысленно кручу так и сяк имя Веснушка, в зубах у пустынного дракона появляется луна, и ночь светлеет.

— Сейчас начнется представление, — предупреждает догрон.

Я смотрю на бескрайний океан песка, и в нем нет ничего интересного.

Внезапно песок вспахивает борозда, ее гребень взмывает выше дюн. По поверхности пустыни скользит что-то гигантское. В фонтане песка наружу вырывается исполинская заостренная голова, разевающая огромную, как пещера, пасть. По спине пробегает дрожь, когда червь предстает во всей красе. Он страшен и одновременно великолепен.

Изогнувшись безупречной дугой, существо ныряет обратно. Вся пустыня сотрясается. Червь зарывается в песок с такой легкостью, словно в воду. Я не шевелюсь,

сизу с широко разинутым ртом. В жизни не видывала созданий таких размеров! Длинной оно со слоновий караван и больше всего похоже на угря-гиганта, переливающегося оттенками желтого и красного.

Я не успеваю издать удивленный крик, как вдруг появляется второй червь, на сей раз сине-зеленый. Его прыжок впечатляет еще сильнее, его падение сравнимо с землетрясением.

— Первой была самка, — говорит Маргуль. — Она показала себя, исполнив любовную песню.

— Что-то я не разобрала никакой мелодии.

— Для этого человеческий слух слишком слаб. А жаль. Представь дрожь, колеблющую все твое тело!

Пока Маргуль объясняет, в небо взлетает третий червь, фиолетовый.

— Остальные черви — самцы. Они прыгают один выше другого, хвастаясь силой и разноцветной чешуей. Самка выберет самого достойного.

— Мы в безопасности?

Не хотелось бы, чтобы очередное чудовище случайно плюхнулось на наш лагерь!

Догрон успокаивает меня:

— Песчаные черви не могут пробуровать камень. У храма толстый фундамент, он надежно нас защищает. Но осторожность не помешает. Их может привлечь малейший шум. Тогда с них станется прыгнуть на храм, раздавить нас и потом сожрать.

— Мы для этих чудовищ все равно что муравьи. Разве они способны нас услышать?

— Они улавливают вибрацию от наших движений. Песок для них что озерная вода. Каждая песчинка как капелька, звук движется от одной к другой, словно волна.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

